

ОДНОКЛАССНИКИ ПРОДОЛЖАЮТ УЧИТЬСЯ

КАЗАЛОСЬ бы, еще так недавно около служебного входа в Большой театр спорили две девушки: — Иди первая! — Нет, открывай дверь ты...

— Нет, ты иди вперед! Они нерешительно топтались, пока кто-то, входя в театр, не прикрикнул, чтобы не мешали на дороге. Тогда девушки вошли и несмело показали дежурному свои пропуска, будто сами не верили, что теперь они артистки Большого театра. Уже не одноклассники из хореографического училища, которые участвовали в спектаклях только под наблюдением педагогов, а артистки балета — Наталия Бессмертнова и Нина Сорокина.

Их общий партнер и одноклассник Михаил Лавровский вошел в театр смело. Он помнил репетиционные залы и артистические уборные почти с тех самых пор, как помнил самого себя. Его родители были артистами балета. Но и ему теперь театр казался иным. Все трое чувствовали не только ответственность, но и страх. Зрители, заполнявшие ярусы и партер театра, ждали прекрасного. В спектаклях не могло быть ски-

док на молодость и неопытность.

Жизнь балетной труппы Большого театра была подчинена такому же строгому расписанию, как и школьная. Так же день начинался с урока-класса для тренировки. Так же всыскательно педагоги-репетиторы требовали непогрешимого выполнения классических па. Как и в школе, в назначенное время начинались репетиции, но бывшие одноклассники теперь работали рядом с опытными, прославленными артистами, и не для отметки, не для отдаленного будущего, а для ближайшего спектакля. Требования к художественному вкусу, к виртуозности балетной техники, к быстроте восприятия стали другие.

Всем троим было трудно в этих условиях. И хотя характеры у них были разные, они работали с одинаковым рвением. Танцевали в кордебалете, в «двоечках», в «троечках» и вскоре все трое получили свои первые большие роли.

Обладающая превосходными природными данными, необычайно лиричная Наташа Бессмертнова с волнением приступила к

работе, но перестаралась и во время занятий поизредила ногу. Долго она могла только смотреть, как танцуют ее одноклассники, и волноваться за свое будущее.

Нина Сорокина и Миша Лавровский начали готовить ведущие роли Филиты и Жанны в балете Е. Асафьева «Пламя Парижа». И тут Нина Сорокина, обладавшая сильной балетной техникой и так мечтавшая о роли, вдруг потеряла смелость. Начиная репетировать, она только и думала, как бы ей справиться с теми движениями, которые прежде не доставляли никакого труда. А ее смелый партнер Лавровский решил, что будет танцевать, как никогда! Перед прыжком он брал такой разбег, что прыгать оставалось только на стены репетиционного зала. Он повторял пируэты до тех пор, пока не терял способности понимать, где левая, где правая сторона. Злился на себя и брал раз-

бег еще сильнее и еще больше кружилась.

Постепенно умеряя пыл юноши и подбадривая девушку, балетмейстеры-репетиторы подготовили их к выступлению в спектакле.

Начинающие артисты были счастливы. Наконец, наступил тот день, когда тяжелый занавес Большого театра открылся перед ними. Для них играл оркестр, для них пришли сотни зрителей, притихших в зале. Счастливых исполнителей охватил страх.

Даже М. Лавровский, лучше своей партнерши владеющий собой, от волнения потерял самоконтроль. Тщательно отрепетированные вращения удавались без видимого напряжения, в прыжках он птицей летал над сценой, но его захлестывал собственный темперамент. Он чувствовал, что слишком много машет своим бутафорским ружьем, но не мог остановиться, продолжая

размахивать, а душа «уходила в пятки».

Н. Сорокина в танцах казалась совсем невесомой, мужественно улыбалась, но в глазах мелькал испуг. У нее была сложная партия, требующая всех душевных сил, а ее отвлекла мысль, что она не успевает по ходу действия выключить на пушку... «Я не должна думать о пушке!» — говорила она себе, но неотвязная мысль возвращалась. Нина вела борьбу с собой до тех самых пор, пока не почувствовала, что уже стоит на пушке, движущейся во главе народного шествия.

Мучительные волнения юных исполнителей не были замечены публикой. Педагоги-репетиторы, балетмейстеры заметили все. В тот торжественный день они не сказали об этом, а только поздравили юных партнеров с первым успехом. Потом в повседневной работе повелась непримиримая борьба со всеми недочетами.

— Сначала думай, потом делай! — повторяли одному. — Сдерживай характер!

— Не думай об одной лишь технике! — повторяли другой. — Покажи характер!

А Наташа Бессмертнова, хоть и вылечила ногу, чувствовала себя неуверенно. В театре говорили о ее гибкости, огромном прыжке, о лиричности, но больше говорили про недостатки, про «неправильные» руки, недостаточную «вышколенность»... Наташе казалось, что все ею недовольны. Утром на занятиях она становилась в самый дальний угол, стараясь стать незаметной.

Много педагогического таланта и такта проявили балетмейстеры и репетиторы Большого театра, работая с юной балериной. И вот на сцене появилась новая Жизель — Н. Бессмертнова.

Эта Жизель вызвала отклик почти во всех столичных газетах. Балетные

критики спорили. Одни писали, что при таких природных дарованиях балерины роль могла бы стать шедевром, но этому обидно помешали погрешности в технике. Другие писали о чуде, которое свершила эта робкая девушка, своим исполнением взволновавшая до глубины души многие сотни зрителей Большого театра.

А для Наташи Бессмертновой роль Жизели стала поворотом в жизни. Она нашла самое себя, поверила в свои силы. На сцене, самоуглубленно слушая музыку, она двигалась, забыв о своих «неправильных» руках, охватившая глубоким чувством к Жизели. Не видя и не слыша больше ничего, она все-таки знала, что люди, как и она, взволнованы и разделяют ее чувства. Да, ей надо учиться, чтобы ноги были крепкими, как сталь, чтобы безукоризненно были отточены все, даже самые мелкие движения, но главное — сохранить свою душу. Без душевного трепета нет для Наташи ни ног, ни рук, ни самой Наташи...

Ровнее всех шел к мастерству М. Лавровский. Смелый и работоспособный, он от спектакля к спектаклю все больше овладевал собой. Начав репетировать партию Раба в балете «Спартак» А. Хачатуряна, он уже отбросил ученическую неуверенность.

— Прыжок должен быть прыжком! — с превеликим жаром восклицал он и, сбросив туфли, самозабвенно прыгал, разбивая до крови пальцы ног. — Хочется танец посложнее!

Он смирился перед доводами балетмейстера, что образ Раба требует менее

широких, свободных движений, но танец его сохранил неумейный темперамент. В спектакле Раб Лавровского был так одержим страстью и так молод, что зрители невольно жалели юношу, погубившего себя предательством. Похвалили своеобразное исполнение и строгие репетиторы, и балетмейстер. Это был успех. Но молодой артист не знал покоя. Он уже мечтал о партии мужественного Фрондосе в балете Крейна «Лауренсия»...

Мечтала о «Лауренсии» и Нина Сорокина. Ей сказали хоть вежливо, но прямо, что такая драматическая партия не по силам для молодой артистки. К тому же для гордой, величавой испанки слишком уж мала ростом и хрупка Нина. Ей поручили роль в одноактном балете на современную тему о героическом труде геологов, где хрупкость балерины могла стать очень выразительной. В «Героическом поэме» юная девушка не только преодолевает все тяготы похода в тайге, но она мужественнее своих сильных спутников. В этом балете о своих ровесниках Нина Сорокина показала свое драматическое дарование, а ее балетная техника стала смелой. Теперь Нине предложили готовить роль Лауренсии, в которой прежде было от-

казано.

Это была совсем особенная, низнерадостная маленькая девушка — Лауренсия и особенный, юнопесни запальчивый, но очень любящий Фрондосе — Лавровский. И они великолепно показали, как в тяжелых испытаниях юные взрослеют, становятся мужественными. Каждый показал это по-своему. Изящество движений сочеталось у Н. Сорокиной с порывистостью и страстностью. М. Лавровский поражающе точно музыкального ритма и красотой пластики.

А Наташа Бессмертнова обрела все большую духовную силу. Исполняя партию Музы в балете «Паганини» на музыку С. Рахманинова, она была такой строгой, вдохновенной и зовущей к вдохновению, что казалось — оживи сейчас Паганини, он узнает свою Музу и удивится, как смогла девушка воплотиться в самобдухотворенные.

Четыре года прошло с тех пор, как одноклассники нерешительно медлили у входа за кулисы, четыре театральных сезона. Теперь на любой афише Большого театра среди исполнителей стоят их имена. Они вошли в основную репертуар балетной труппы. Публика стремится попасть на спектакли с их участием.

В этом году Н. Бессмертновой и М. Лавровскому было доверено защищать честь Большого театра на международном конкурсе артистов балета «Варисское лето». Члены жюри единогласно, без малейших споров присудили им первую премию — золотую медаль.

Все трое уже гастролировали в Европе и Америке. Падкая на сенсации заграничная пресса наполняет вослицательными знаками все рецензии о молодых артистах: «М. Лавровский — танцовщик, с которым мало кто может сравниться!» «Н. Бессмертнова поразительна! Волшебна!» «Н. Сорокина воздушна! Наделена лучшими в мире техническими данными!» Можно сказать, они прославились на весь свет. Читая это, все трое улыбаются чуть-чуть иронически. Они знают, что путь к совершенству еще долг. И сейчас решается их дальнейшая судьба. На смену обаянию молодости, непосредственности должно прийти подлинное мастерство.